

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ОТРАЖЕНИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРОКЛЯТИЙ В ФОЛЬКЛОРЕ

Варавин Андрей Дмитриевич

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
(г. Нижний Новгород, Россия)

В работе рассматриваются особенности лингвистической структуры вербальных проклятий и использования проклятий в качестве речевого акта. Особое внимание уделяется использованию вербальных проклятий в фольклорных сюжетах и в современном мире.

Вербальные проклятия представляют собой систему словесных формул. Общая функциональная направленность проклятий определяется исследователями в едином ключе: «проклятие есть выраженное словами пожелание какой-либо беды, являющееся отражением известного душевного состояния человека»; «в проклятия вкладывается пожелание угрозы здоровью, благополучию, счастью, иногда самой жизни...» [4, с. 235]. Толковые словари трактуют проклятие как «выражение кого-нибудь ругать, поносить, призывать на

кого бедствия, желать кому зла» [1, с. 448], а глагол «проклинать» как «ругать, бранить, осуждать» [2, с. 1426]. Как речевой акт, проклятие определяют как вербальную агрессию «в виде причинения психологического вреда с использованием вокальных (крик, изменение тона) и вербальных (оскорбления, проклятья, уничижительные слова) компонентов речи» [5, с. 43]. Как фольклорный жанр, проклятиями называют «архаические по происхождению вербальные или письменные тексты сакрально-магического характера, продуцирование которых связано с верой древних людей в магию слова, в частности его способность наносить вред, уничтожать благосостояние, вызывать болезни и даже причинять смерть» [3, с. 18]. Более того, у некоторых народов, проклятия часто выступают как специфический жанр устного народного творчества. В настоящее время, такие жанры наиболее распространены у народов традиционного уклада (например, йоруба или карачаево-балкарцы). Соответственно, проклятие не считается чем-то запретным. Сюжеты и мотивы, связанные с проклятиями, широко распространены в мировом фольклоре и литературе. Например, в Италии известна сказка о рыбаке, погибающем в море из-за того, что перед уходом мать сказала ему: «чтоб ты утонул». У шведов существует поверье, что детей, проклятых родителями, «берет черт», а в немецких сказках они превращаются в воронов. Самое яркое отличие проклятий от обычных речевых актов состоит в заложенной в них модели адресата. В стандартной коммуникативной ситуации адресатом речи является собеседник. В проклятиях же, как это показала С. М. Толстая, реальный собеседник «не является субъектом тех перемен в состоянии дел, которых ожидает отправитель» [7, с. 213], он оказывается всего лишь объектом, во вред которому произносится текст. Подлинным же адресатом становится, как уже было показано, «некая высшая сила». Ученые не раз находили могильные надписи с указанием божеств на которых возлагаются карательные функции. Таким образом, случай двойной адресации, когда обращение направленно сразу к двум лицам: сакральному авторитету, в ведении которого находится ситуация, и объекту ритуального действия является специфическим для данного речевого акта. Для «успешности» проклятия важную роль играют личность произносящего и темпоральность проклятия. Например, у некоторых народов Северного Кавказа существует мнение, что проклятия чаще всего можно услышать в речи пожилых женщин. Как полагают, наиболее вероятно, что сбудутся проклятия, произнесенные верующими, сиротами и стариками. Также, существует предание о том, что если мать проклянет своего ребенка, то материнское молоко, которое его питало, не позволит этому проклятию сбыться. С этой стороны, например, проклятие, произнесенное отцом, считается более мощным и действенным [6, с. 56]. Касаемо темпоральности проклятий – на том же Северном Кавказе существует широко распространённое убеждение, что проклятия, произнесённые после захода солнца, особенно действенны [6, с. 57]. Против, благие пожелания, как считается, имеют большую вероятность сбыться, если их произносят на заре, при восходе солнца. У славян также существовало мнение, что проклятия становятся эффективными, если они произнесены в полночь. Также, считалось крайне опасным проклинать детей во время церковной службы [8, с. 291–292].

Если говорить о происхождении проклятий, то наряду с фольклорными сюжетами, важным источником является Библия, и конкретно Ветхий Завет. В Библии проклятия в первую очередь носят назидательный и воспитательный характер, они обращены обычно не к конкретному человеку, а к человеческому обществу в целом. Можно сказать, что со временем проклятия, сформулированные в Библии и предназначенные для устрашения общества в целом, превратились в психологический инструмент для устрашения конкретного человека. Сегодня люди используют проклятия всё реже и реже. Тем не менее некоторые выражения остаются актуальными и используются как в художественной литературе, так и в разговорной речи. Проклятия в библейских текстах призваны напугать отказом, отлучением от церкви и наказанием. Проклятия, используемые в повседневной жизни, можно определить; как своего рода словесный ритуал, целью которого является нанесение морального ущерба.

Изначально, тесно связанные с религией, проклятия ныне, частично утратив свои магические функции, переходят из ритуальных злопожеланий в разряд бранной лексики и используются в состоянии психологического напряжения для выражения резкого осуждения. Таким образом, главная практическая цель современных проклятий – выразить оценочную реакцию на ситуацию, а не способствовать реализации определенного действия с помощью сверхъестественных сил. В настоящее время необходимо детальное изучение проклятий, так как они тесно связаны с культурными нормами поведения, менталитетом, культурой и национальными особенностями этноса, ведь коммуникативное поведение разных народов в разных временных пространствах и в разных ситуациях является богатым материалом для определения их когнитивных характеристик.

Литература

1. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. 2-е изд. / сост. Даль В.И. – М.: Издание общества любителей русской словесности, учрежденном при Московском государственном университете, 1865. – 509 с.
2. Толковый словарь русского языка. - 1-е изд. / сост. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.- М.: Издательство Академии наук СССР – 1949. – 2153 с.
3. Ветрова, Э. С. Пожелания зла в коммуникативной культуре украинцев и лезгин / Э. С. Ветрова // Научный диалог. – 2016. – №1 (49). – С. 16–31.
4. Малзурова, Л. Ц. Роль художественных средств в бурятских легендах и преданиях / Л. Ц. Малзурова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – №10. – С. 233–237.
5. Мамчич, Ю. В. Место проклятия в группе экспрессивов / Ю. В. Мамчич // Вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. ст. Чебоксары: Чувашский госуниверситет им. И. Я. Яковлева. – 2015. – С. 42–45.
6. Сеидова, Н. Р. Речевой акт благопожелания и проклятия в мировой литературе / Н. Р. Сеидова // American Scientific Journal. – 2019. – №31. – С. 55–58.
7. Толстая, С. М. Вербальные ритуалы в народной культуре / С. М. Толстая // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. Материалы Второго Всероссийского совещания славистов. – М.: Институт славяноведения РАН – 2013. – 240 с.
8. Толстой, Н. И. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4 / Н. И. Толстой – М.: Международные отношения, 2009. – 665 с.